

ОСТАНИН В.А.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОСОБЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗОН

Обычно те, кто лучше других умеет работать,
лучше других умеет не работать.
Жорж Элгози

Из самого понятия «особая экономическая зона» следует, что отношения, которые складываются как внутри самой особой экономической зоны (ОЭЗ), так и отношения резидентов ОЭЗ и нерезидентами, государственными и муниципальными институтами власти и управления приобретают некоторую специфику. Эти отношения, в том числе и социальные, регулируются специальным Соглашением по вопросам свободных (специальных, особых) экономических зон на таможенной территории Таможенного союза в рамках ЕврАзЭС, а также таможенными процедурами свободной экономической зоны и иными актами государственных органов. Уже тот факт, что по своему определению ОЭЗ есть выделенная, обособленная от остального социально-экономического пространства территория следует то, что на этой территории осуществляется специфический режим предпринимательской деятельности резидентами зоны. Таможенный режим и соответственно применяемая таможенная процедура свободной таможенной зоны ограничивают свободу и социальное пространство, типичное для остальной части территории.

В соответствии со Ст.3 Федерального закона ФЗ-365 от 30.11.2011 г. ОЭЗ создаются в целях развития обрабатывающих отраслей экономики страны, её отраслей, развития туризма, санаторно-курортного кластера, портовой, транспортной инфраструктуры, коммерциализации результатов деятельности на ОЭЗ, производства новых видов продукции. Анализ положений закона уже дает нам основание для вывода о том, что цели создания ОЭЗ не предполагают непосредственно развитие территорий и создание облагороженной социальной среды. Однако одновременно предусматривается создание социальной инфраструктуры наряду с созданием объектов инженерной, транспортной инновационной и иных инфраструктур ОЭЗ из средств федерального бюджета, бюджетов субъектов федерации РФ и местных бюджетов в соответствии с бюджетным законодательством.

Специфика реализации социальных ролей на территории ОЭЗ. Резидентами ОЭЗ признаются индивидуальные предприниматели и коммерческие организации, то из этого следует, что их цель сводится к получению прибыли, а не достижению социального эффекта. Следует признать в качестве исходного положения в целеполагании резидентов то, что резиденты стремятся войти на территорию ОЭЗ для того, что находят более выгодным вложение капитала, а, следовательно, получение более высокой прибыльности от ведения предпринимательской и иной хозяйственной деятельности. Эта выгоды может базироваться из ожиданий получения льгот по налогам, доступу к инфраструктурным, коммунальным и иным ресурсам. Однако все это лежит в векторе достижения более высокой прибыльности реализации инвестиционных проектов. Надежды руководителей и организаторов ОЭЗ на то, что резиденты будут вкладывать свои инвестиционные ресурсы в развитие социальной инфраструктуры следует признать утопичными. Как мы полагаем, обеспечивать процесс формирования социальной инфраструктуры коммерческие предприятия могут только тогда, когда их инвестиционный проект позволит коммерциализировать создаваемые объекты социальной инфраструктуры. Например, создание мест рекреации работников коммерческого предприятия, где они могли бы

восстанавливать свою способность к эффективному труду. Более того, отсутствие уже имеющейся социальной инфраструктуры на территориях ОЭЗ может стать причиной того, что этот проект создания ОЭЗ потеряет свою конкурентоспособность. Этот факт подлежит обязательному учету при принятии стратегического решения открытия ОЭЗ. В настоящее время мировой рынок дает основания для суждения о том, что необоснованные ожидания как инвесторов, будущих резидентов ОЭЗ и органов власти на территориях привели к тому результату, что многие ОЭЗ оказались неконкурентоспособными. Предоставление только налоговых льгот без доступа к инфраструктурным ресурсам не делает эти зоны конкурентоспособными. Дополнительными факторами, которые необходимо принимать во внимание должны стать цены ресурсов (электроэнергии, воды, водоотведение), а также выстраивание всей цепи – масштаб производства, стоимость рабочей силы, её квалификация, создание комфортной среды для бизнеса). Именно в создании комфортной среды для бизнеса решающая роль отводится имеющейся уже на территории социальной инфраструктуры. Содержанием объектов социальной инфраструктуры становятся объекты рекреации рабочей силы, объекта питания, транспорта, здравоохранения, образования, профессиональной подготовки и переподготовки кадров, достаточно развитая сфера банковского, кредитного обслуживания. Резиденты, которые пришли на территорию ОЭЗ должны получить их в качестве результатов инвестирования из федерального, региональных бюджетов, либо обеспечить доступ к этим социальным благам на территориях.

В результате можно обнаружить результат формирования компромиссно-конфликтной ситуации. Резиденты, преследующие цель получения прибыли, не ориентированы на создание социальной инфраструктуры. Но так как важнейшим ресурсом всегда является квалифицированная рабочая сила, то органы публичной власти на территориях должны эту проблему решать инвестициями в социальную инфраструктуру. Попытки переложить эту обязанность на коммерческих резидентов к положительным итогам не приводит. Именно в этом следует видеть основную причину того, что многие созданные ОЭЗ или территории опережающего экономического развития показали свою неэффективность и были ликвидированы. Чтобы дать импульс в развитии территории, публичная власть изначально должна осуществить вложение средств в создание социальной инфраструктуры или обеспечить доступ к качественным социальным услугам на территориях. Развивать социальную сферу коммерческие резиденты могут только в той мере, в которой они вписываются в общий проект развития бизнеса и своего коллектива. Другими словами, социальная ориентация хозяйственной деятельности коммерческого резидента не будет выходить за рамки своего бизнеса и своих частных корпоративных интересов.

Социальное развитие на территории будет получать импульсы от успешно функционирующих коммерческих резидентов ОЭЗ. Они будут продуцировать импульсы развития окружения, формируя спрос на товары, услуги в области образования, охраны труда, здравоохранения, культурный досуг. Однако эту задачу должны решать органы публичной власти на территориях. Наконец, следует принять следующую новацию. В социальной инфраструктуре нуждаются как внешний иностранный инвестор, так и российский. Однако именно российского инвестора одна и та же качественно одинаковая создаваемая социальная инфраструктура будет удовлетворять в большей степени, чем иностранного инвестора. Здесь решающая роль будет отводиться большей степени адаптации россиян к исконно российскому социальному сервису. Недостаток этой модели в том, что иностранные инвесторы принесут с

собой в результате прямых инвестиций доступ к передовым технологиям, что предопределяет конечную эффективность инвестиционных проектов на территориях ОЭЗ.

Проблемы оценки социальной эффективности ОЭЗ. Вопрос эффективности функционирования ОЭЗ является в настоящее время одним из дискуссионных в экономической теории. Наш методологический подход к раскрытию социальных аспектов эффективности исходит из того, что следует разводить процессы оценки и методы оценки социальной эффективности отдельных инвестиционных проектов, реализованных на территории ОЭЗ и социальные аспекты эффективности развития территории. Первое направление является традиционным для оценки социальной эффективности проекта для отдельно взятого резидента-инвестора. В этом случае следует выделить социальные эффекты, которые были достигнуты отдельным конкретным резидентом. Таким социальным корпоративным эффектом следует принимать следующие: снижение травматизма на предприятии, уменьшение текучести рабочей силы, повышение качества рабочей силы в результате создания системы профессиональной подготовки, создание комфортной среды на предприятии, предоставление социальных корпоративных гарантий, корпоративного страхования жизни, предоставление мест в детских ведомственных садах, оплата услуг, предоставляемых сервисными организациями здравоохранения. Как следует из перечня, этот набор можно считать традиционным, и может предоставляться не только резидентами, но и любым социально-ориентированными бизнес-структурами.

Количественно же социальных эффект может быть измерен, исходя из разницы большей доходности работы резидента в территории ОЭЗ по сравнению с результатами прежней деятельности на территориях, на которую не распространялся льготный режим налогообложения и иные инфраструктурные и социальные льготы, которые могут предоставлены на ОЭЗ. Предполагается при этом, что большая доходность позволит в большей степени решать проблемы социального корпоративного развития коллектива.

Большие методологические проблемы возникают при оценке социального эффекта развития территории ОЭЗ. С одной стороны, следует признать, что повышенная доходность хозяйственной деятельности основных резидентов на территории ОЭЗ приведет суммарно к большему социальному эффекту. Рост эффективности деятельности хозяйствующих субъектов-резидентов ОЭЗ будет вызывать кумулятивный накапливаемый эффект. Рост доходов предприятий, получаемых доходов работников, повышенные налоговые отчисления по налогу на доходы физических лиц, вызывают рост спроса на товары и услуги. Тем самым этот эффект будет инициировать распространение активности на территории, которые находятся с ОЭЗ в торговых и кооперационных связях. Общий подъем деловой активности будет мультиплицировать повышающий тренд роста экономики и социальной эффективности уже на территории региона. Повышенные налоговые отчисления в региональные и местные бюджеты на соприкасающихся территориях позволят увеличивать интенсивность реализации социальных программ.

Вместе с тем следует признать очевидное, ставшее общеизвестным из анализа функционирования ОЭЗ на территориях Российской Федерации. Как показывает мировой и Российский опыт функционирования ОЭЗ, реально положительные эффекты начинают проявляться через весьма продолжительное время. Здесь не обнаруживается взрывного эффекта в части бурного роста регионального ВВП, а сами резиденты ОЭЗ не становятся драйверами экономической и социальной активности. Так, период окупаемости ОЭЗ промышленно-производственного характера в мировой практике составляет около 8 лет, а сам выход на пик

эффективности происходит через 10-15 лет с момента начала их функционирования. В результате оценка не только социального эффекта, но и экономического наталкивается на методологические трудности самой экономической теории. [1, 2]

В настоящее время действует Постановление Правительства РФ от 07.07.2016 г., предусматривающий методику оценки экономического эффекта и экономической эффективности. [3]

Если принимать во внимание тот факт, что существенную долю времени следует отводить предварительному подготовительному этапу, когда имеет место прединвестиционная деятельность, то в основу расчетов социальной и экономической эффективности деятельности резидентов на территориях ОЭЗ следует принимать время выхода резидента на проектную мощность. Этот период у основных резидентов может достигать до 10-15 лет. [4] Из этого следует сделать вывод, что в особых экономических зонах положительные социальные эффекты всегда будут проявляться с некоторым опаздывающим лагом.

Теоретическое обоснование адекватности понимания социальной эффективности. Проблема оценки эффективности функционирования ОЭЗ уходит своим основанием в проблему понимания социальной эффективности вообще. Когда в некоторых статьях исследователи оперируют термином «социально-экономическая эффективность», то здесь не столько допускается некорректное употребление термина, сколько подчеркивается важный момент того, что грани между экономическим и социальным аспектом весьма условны и подвижны. Если традиционное понимание экономической эффективности проекта, производства понимается как соотношение полученного результата, или эффекта, и затраченными при этом ресурсами, то социально-экономическая эффективность отражает степень удовлетворения конечных потребностей общества, коллектива. При этом предоставляемые и потребляемые блага во многом носят неделимый характер, имеет ли это место для каждого члена социума, либо для членов отдельно взятого коллектива. Из этого следует, что наибольшая социально-экономическая эффективность проявляет себя в том сообществе, в которой в большей мере удовлетворяются как материальные, так и духовные потребности, гарантируется более высокий уровень и качество жизни.

Более строгое разграничение эффективности экономической и социальной приводит к проблемам теории, которая и в настоящее время не получила свое адекватное разрешение, а её результаты – всеобщее признание. Так, А.О. Курно наиболее радикально предложил разрешить проблему единства и противоположности эффективности экономической и социальной. Если экономическая эффективность отражает соотношение эффекта к потребленным факторам производства блага или услуги, то социальная эффективность есть понятие уже не экономическое, а этическое, так как лежит в сфере справедливости. Тем самым эти понятия становятся уже даже не принадлежащими одному и тому же роду, т.е. эти понятия контрарные, т.е. противоположные. А, следовательно, не существует теоретических оснований для соотнесения их концептов.

Определенный теоретический выход может быть предложен, во-первых, в применении целевого подхода, когда даже в оценке эффективности экономической обнаруживают комплементарные социальные эффекты. [5] Например, следование технологическим регламентам, инструкциям, предписаниям, соблюдению технологической дисциплины создают безопасные условия труда, в результате снижения производственного травматизма. Данные затраты на соблюдение техники безопасности и создание здоровых и безопасных

условий труда уже изначально предусмотрены соответствующими сметами и бюджетами. Связь между снижением уровня производственного травматизма и суммарным экономическим эффектом может быть оценена уже на основе статистических наблюдений и прогнозных оценок. Следовательно, методический подход к оценке социальной эффективности можно определить, как разницу от предусмотренных бюджетом расходов на создание здоровых условий труда и фактическим освоением этих выделенных средств. Так как финансирование расходов на превентивные мероприятия увеличивает знаменатель, то это формирует тенденцию к снижению экономической эффективности. Но одновременно экономия на технике безопасности повышает риски причинения ущерба здоровью работников, ведет к нарастанию выплат от потери трудоспособности. В условиях ограниченности ресурсов общество может только ограниченно снижать риски наступления случайных событий производственного травматизма, не увеличивая расходы на превентивные мероприятия либо на страхование своих работников. Следовательно, можно сделать вывод, что каждая единица ресурса должна быть использована полностью, а эффективная экономика должна лежать на границе производственных возможностей, учитывая при этом как чисто экономическую, так и социальную составляющую производственных расходов предприятия.

Максимум состояния противоречивости состояния экономической и социальной эффективности может быть представлено моделью Парето-эффективности. Социально-экономическая система находится в состоянии наибольшей экономической и социальной эффективности, если становится невозможным повысить экономическую эффективность, не уменьшая эффективность социальную. Тем самым мы обнаруживаем то положение, что модель Парето-эффективности не может обеспечить адекватное отражение реальной практики управления на территориях не только ОЭЗ, но и в принципе. Эта модель дает предельно упрощенный теоретический образ, дающий формальный критерий социальной справедливости на основе межперсонального сравнения положительной и отрицательной полезности – всякое изменение, которое не приносит вреда никому, но которое одновременно приводит к более лучшему состоянию некоторых по их собственной оценке – следует считать повышением эффективности. Однако здесь социальные аспекты таки образом привлечены в модель, что делает её несостоятельной в нашем анализе.

Определенный выход из данной теоретической проблемы следует видеть в предложенной модели Н. Калдора, Дж. Хигса и Дж. Стиглера, которые предложили новый методологический подход. Этот подход снимает ограниченность относительного Парето-оптима, не требует межперсонального сравнения полезности по критериям справедливости, которые носят название Калдора-Хикса. В соответствии с этим критерием социальной эффективности, всякое изменение считается улучшением, если по оценкам выигравших их выгоды превышают потери тех, чье благосостояние ухудшилось.

Как мы полагаем, логическим следствием здесь будет дальнейшее углубление противоречий между выигравшими, получающими больший экономический эффект, и проигравшими – работниками, состоянием экономики, социальной защищенностью работников и граждан, проживающих и трудящихся на территории ОЭЗ. Предусматриваемые социальные компенсации проигравшим не могут разрешить эту проблему в принципе.

Так как интересы граждан, работающих и проживающих на особых экономических территориях и интересы резидентов противоположны, то решать и принимать во внимание социальные аспекты можно только за счет социальных интересов территории. Если перенести

данную проблему на модель Амартии Сэн, [6, С.65] то следует сделать следующий вывод. Состояние социально-экономической среды может находиться в состоянии Парето-оптимальности. Однако повышение экономической эффективности резидентов не может быть повышена без снижения уровня социальной защищенности. Однако, следует одновременно признать, что в модели Парето-эффективности социальный фактор отсутствует явно, хотя присутствует имплицитно, полностью коррелируя с положением А. Смита о том, что простая справедливость может быть представлена минимальной добродетелью, сводящей к тому, чтобы хотя бы не делать другим зла. [7]

Методологический подход к оценке социальной эффективности резидентов ОЭЗ.

Как было отмечено ранее, инвесторы-резиденты нацелены на получение прибыли, они не связаны обязательствами по развитию социальной инфраструктуры на территориях ОЭЗ, так как ко всем национальным благам они относятся как факторам, а к человеку как средству получения прибыли. Здесь скорее возможна реализации эгоистической модели в духе «этического принципа троглодита». Его суть грубо можно выразить следующей моделью поведения. «Если ты съел мою невесту, то это плохо; если же съел твою невесту, то это хорошо».

Государство, как инициатор создания ОЭЗ, вынуждено не только анализировать те или иные модели поведения игроков на территориях ОЭЗ, но реализовывать ту инвестиционную, региональную, экономическую, социальную политику, которые будут обеспечивать разрешение конфликтов в этой конфликтно-компромиссной ситуации. Определенным критерием социальной эффективности в единстве с экономической эффективностью всех акторов на территории ОЭЗ будет состояние одинаковых темпов роста экономической эффективности для всех акторов при одновременном возрастании в тех же пропорциях и социальной эффективности. Но если повышение экономической эффективности есть проблема самих инвесторов, то забота о повышении социальной эффективности является сферой органов публичной власти на территории. Именно она должна обеспечивать аллокативную эффективность, перераспределяя ресурсы на финансирование социально значимых проектов. Возлагать эту задачу на инвесторов-резидентов, на бизнес, будет означать уход инвестиционных ресурсов из ОЭЗ. Собственно, эта причина была одной из наиболее значимых среди других, которые приводили к отрицательным результатам. При этом не исключается тот факт, что предприятия-резиденты могут реализовывать локальные инвестиционные проекты в развитие корпоративной социально-ориентированной инфраструктуры, либо предусматривать их в рамках единого инвестиционного проекта функционирования на территории ОЭЗ.

Данный методологический подход может быть успешно применен и к оценке социальной эффективности деятельности резидентов в ОЭЗ. Модели поведения резидентов ОЭЗ, ориентированные на получение максимальной экономической эффективности любой ценой, приводят к потерям рабочей силы и ресурсов. Любое социально-экономическое состояние, которое не обладает признаками Парето-эффективности, следует рассматривать как состояние неэффективного равновесия между требованиями отношения к человеку как средству и требованиям отношения к работникам как цели. Тем самым в этой формулировке можно обнаружить реализацию известного императива И. Канта. Этот же императив дает методологические основания для разрешения проблемы, относиться руководителю предприятия – резиденту ОЭЗ -- к работникам как цели и средству одновременно.

Проблема понимания социальной эффективности ОЭЗ. Рассмотренные нами модели касались прежде всего природы экономической, социальной эффективности конкретных

резидентов ОЭЗ. Но вместе с тем инициаторы создания ОЭЗ ориентируются не на эффективность резидентов, а на развитие территорий, для чего создаются особые экономические, таможенные и иные режимы на территориях. Следовательно, следует проводить исследование по предмету социальной эффективности функционирования ОЭЗ. Для этого необходимо уточнить понятие эффективности ОЭЗ вообще.

Полагаем, что создание ОЭЗ было вызвано потребностями развития территории, страны, что потребовало корректную постановку целей, задач, планов, бюджетного финансирования, создание центра по управлению ОЭЗ. Если исходить из понимания эффекта, который будет обозначен в качестве приоритета функционирования ОЭЗ, то им может стать целый комплекс. Например, обеспечение разработки местных месторождений природных ресурсов, закрепление экономического статуса страны, закрепление населения и прекращение его оттока с территории, преодоление диспропорций в развитии регионов. Любые акции государства направлены на достижение как текущих, так и стратегических целей. Если вести речь о развитии территорий, то следует принимать во внимание несводимость потребностей государства, регионов, общества в целом к потребностям, которые вытекают из самой экономической природы рынка. Следует признать, что рынок вообще неспособен видеть свои перспективы дальше «собственного носа – прибыльности». Рыночные инструменты и механизмы, рыночные институты в современных экономиках проявляют свою эффективность тогда, когда они лежат в векторе государственной стратегии развития. Определенный компромисс между рыночными институтами и государством возможен на принципах прагматического демократизма. Это создает предпосылки для определения зоны компромисса между экономической и социальной эффективностью, устанавливая некоторое общее правило эффективного поведения института государства. Как отмечают по этому поводу Р.С. Гринберг и А.Я. Рубинштейн, любое распределение общественных средств, связанное с реализацией целей, что является присущим обществу как таковому, должно обслуживаться максимально допустимыми демократическими процедурами. [9, С. 423] .

Логическим выводом из этого принципа прагматического демократизма следует то, что принятие стратегических решений по развитию территорий в форме ОЭЗ будет требовать общественного обсуждения и одобрения этих проектов со стороны демократической общественности. Потому любое решение, любой крупный инвестиционный проект не получит общественного одобрения, если он будет ориентирован исключительно за постижение максимально высокой экономической эффективности резидентов ОЭЗ в ущерб социальному вектору развития территории. Потребности частных инвесторов-резидентов ОЭЗ, их признание и уважение не означает подчинение их интересам развития территории, как и наоборот. Здесь нет места механическому доминированию одних над другими, что позволяет заявить об экономической методологии социального либерализма, которая развивает либеральную парадигму посредством реализации института конкуренции за ресурсы между рыночными акторами и институтами государственной власти на территориях ОЭЗ. Исторический опыт и эволюция либеральной идеологии дали основания полагать, что без учета социальной составляющей всеобщего благосостояния в достаточной степени невозможно обеспечить ни права индивидуумов, ни их свободы. [9, С. 426]

Наконец, социальная эффективность функционирования ОЭЗ, на территориях которых реализуют противоположные интересы основные акторы-резиденты, неизбежно будет приводить к углублению неравенства в силу непропорционального распределения доходов. Следует ли

полагать, что данный факт есть проявление асоциальности в самой природе ОЭЗ? Наш ответ на этот вопрос отрицателен по следующим основаниям. Так, в соответствии с принципами справедливости каждый актор на территории ОЭЗ является свободным, принимает свое решение в управлении в той части, которая совместима со свободой остальных акторов. Далее, функционирование ОЭЗ может осуществляться и допустимо только тогда, когда это приносит каждому положительный экономический и социальный эффект, что в некоторой степени оправдывает неравенство в распределении доходов[10] в процессе функционирования ОЭЗ. Предполагается, что максимизация экономической эффективности не ведет к свертыванию социальных программ на территориях ОЭЗ, а распределение на принципах неравенства ведет к улучшению экономического и социального статуса и положения каждого по сравнению с уравнительным распределением дохода. Таким образом получение доходов в результате эксплуатации национальных факторов производства на территориях ОЭЗ и углубление неравенства по состоянию до начала функционирования ОЭЗ и на завершающем этапе не нарушает принципов справедливости, которое по своей природе есть социальный феномен.

Социально значимые эффекты функционирования ОЭЗ. В этой концепции социальная эффективность рассматривается как мера перехода от бывшего состояния бытия социума к состоянию, которое декларировалось ранее в качестве цели. Это степень достижения поставленных целей. Показатель социальной эффективности функционирования ОЭЗ отражает степень достижения социального эффекта, результата. Для ОЭЗ каким социально значимым эффектом становятся:

- повышение качества жизни от функционирования ОЭЗ;
- более справедливое распределение благ, дохода, собственности рисков на территории функционирования ОЭЗ;
- безопасные условия жизнедеятельности в ОЭЗ;
- соблюдение прав меньшинств и их социальные гарантии на территории ОЭЗ;
- состоятельность социальных прав;
- наличие дополнительных социальных гарантий для работников на территории ОЭЗ;
- положительная динамика уровня жизни работников на территории ОЭЗ;
- положительная динамика уровня здоровья работников на территории ОЭЗ;
- экономия свободного времени и его творческое использование;
- наличие возможностей по развитию потенциала работников;
- степень самостоятельности, свобода выбора;
- улучшение безопасных условий труда;
- снижение рисков и неопределенностей перед будущим;
- социальная защищенность, в том числе, предоставляемая резидентами и органами управления ОЭЗ;
- обеспеченность и доступность образования, услуг здравоохранения, курортно-оздоровительными услугами, местами оздоровительного отдыха и культурного досуга;
- доступность услуг финансово-кредитных институтов, институтов страховой защиты;

- снижение рисков и неопределенностей функционирования предприятий-резидентов ОЭЗ;

Перечисленные некоторые социально значимые эффекты функционирования ОЭЗ уже создают теоретические и практические трудности в количественной оценке социальной эффективности. Известные теоретические исследования в части разработки методических подходов к оценке социальной эффективности отличает один важный недостаток. Практически невозможно выделить роль того или иного фактора в достижении социального эффекта. Саму ОЭЗ как систему отношений, институтов, механизмов следует понимать, как организм, в котором все взаимосвязано и взаимообусловлено. Здесь имеют место обратные и прямые связи с меняющимися коэффициентами усиления передающего управляющего воздействия. Это уже делает достаточно оснований для того, чтобы известные упрощенные модели оказались несостоятельными. Поэтому далеко не случайно, что Правительство РФ за период с 2012 года утверждало, как минимум три руководящих нормативных акта, которые регулировали бы процедуру оценки эффективности функционирования особых экономических зон.

Оценка социальных эффектов в действующей методике. Если проанализировать методологические основания последнего действующего документа – «Правила оценки эффективности функционирования особых экономических зон» [3] -- то здесь оценка социальных аспектов исходит из некоторых положений. Так, априори предполагается, что инвестиционный проект просчитывается постатейно по величине затрат на получение того или иного экономического или социального эффекта. При этом по умолчанию предполагается, что выделенные ресурсы на достижение этого социального или экономического эффекта будут иметь строго целевое предназначение и использованы в полном требуемом объеме и в установленные проектом время.

В качестве таких социальных эффектов в Правилах были выделены те, которым законодатель придал особую важность и значимость. Так, для оценки эффективности были определены следующие расчетные показатели социальной эффективности:

- показатель эффективности, отражающий рентабельность вложения средств федерального бюджета, бюджета субъекта Российской Федерации и местного бюджета в создание объектов социальной инфраструктуры ОЭЗ;
- абсолютный количественный показатель, отражающий количество рабочих мест, которые были созданы резидентами ОЭЗ (плановое и фактическое);
- объем средств федерального бюджета, которые были направлены на финансирование объектов социальной инфраструктуры (плановое и фактическое);
- количество объектов социальной инфраструктуры ОЭЗ построенных и введенных в эксплуатацию (плановое и фактическое);
- Объем остатка недоосвоенных денежных средств, которые были фактически выделены на создание объектов социальной инфраструктуры накопленным итогом по состоянию на конец отчетного года;
- доля мощности объектов социальной инфраструктуры, заявленной и подтвержденной контрактными обязательствами резидентов ОЭЗ (плановое и фактическое);

Критерии оценки социальной эффективности определены и градуированы: более 90 % -- хорошо, от 50 до 90 – достаточно эффективное, менее 50 % -- неэффективное.

Вывод. При всей внешней простоте эта методика, представленная в Правилах оценки эффективности социальных проектов ОЭЗ, тем не менее является одним из доступных для своего практического применения органами публичной власти на территориях Особых экономических зон.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 10 июня 2013 г. № 491 «Об утверждении Правил оценки эффективности функционирования особых экономических зон». (Утратило силу) <http://base.garant.ru/70396466/> (Доступно: 21.08.2016 г.)
2. Постановление Правительства РФ от 15 августа 2012 г. № 833 «Об утверждении Правил оценки эффективности функционирования особых экономических зон». (Утратило силу) // (Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, N 35, ст. 4824).
3. Постановление Правительства РФ от 07 июля 2016 г. № 643 «О порядке оценки эффективности функционирования особых экономических зон». <http://sudact.ru/law/postanovlenie-pravitelstva-rf-ot-07072016-n-643/>(Доступно: 21.08.2016 г.)
4. Зубарев А.Е., Федорова В.А. Оценка эффективности функционирования особых экономических зон в Российской Федерации // Вестник ТОГУ. 2014. № 4(35). С. 153-160.
5. Калиева О. М., Разумова М. С., Дергунова М. И., Говорова М. С. Понятие экономической эффективности коммерческой деятельности [Текст] // Инновационная экономика: материалы междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2014 г.). — Казань: Бук, 2014. — С. 99-103.
6. Сен А. «Идея справедливости» [Текст] /перевод с английского Д. Кралечкина; научный редактор перевода В. Софронов, А. Смирнов. — М.: Издательство Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия», 2016. – 520 с.
7. А Смит. Теория нравственных чувств. / <http://www.e-reading.club/book.php?book=1039709> (Доступно: 25.08.2016 г.)
8. Биншток Ф.И., Ермакова Л.И., Коновалов Н.Н., Лещинская А.Ф., Москвин Д., Наумова Н.Ф. Проблемы социальной справедливости в зеркале современной экономической теории / Под общ. ред. Д.Д. Москвина. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – 192с.
9. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Индивидуум и государство: экономическая дилемма. М.: Весь Мир, 2013. С.480.
10. Джон Ролз. Теория справедливости. Изд-во Новосибирского ун-та, Новосибирск, 1995. -- 507с.